«Синяя птица» в Саратовском ТЮЗе

Премьера «Синей птицы» в Саратовском академическом ТЮЗе Киселева, безусловно, стала событием, хотя и вызвала разноречивые отклики. На спектакле побывал целый десант московских критиков. Журнал «Страстной бульвар, 10» предоставил слово рецензентам разных поколений и разного опыта: начинает разговор студентка РАТИ Анна Афанасьева, продолжают наш постоянный автор Александр Иняхин и редактор журнала Анастасия Ефремова, мнения которых во многом не совпадают. Но ведь это и есть – признак искусства. В конце концов, у каждого из нас своя собственная «Синяя птица»!

Сказка в повседневном

Обыкновенно нам не достает не самого счастья, но умения быть счастливым.

М.Метерлинк. «Мудрость и судьба»

Под Рождество особенно хочется сказки и верится в лучшее. И в этой связи символична премьера **«Синей птицы»** в **Саратовском ТЮЗе**, одном из первых в мире профессиональных детских театров, 90 лет назад открывшемся постановкой именно этой пьесы. Знаменательно, что в этот раз столичный режиссер **Александр Пономарев** предложил свой собственный перевод **Метерлинка**.

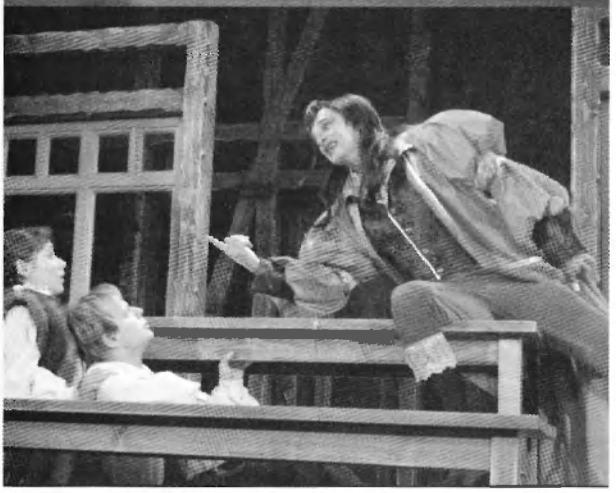
Волшебная сказка о счастье поиска счастья, красоты и смысла волнует воображение уже не одного поколения детей, и полет «Синей птицы», манящей и ускользающей, подлинной «тайны вещей», длится уже 103 года (пьеса написана в 1905 г.). И теперь, долетев до наших дней, она по-прежнему вызывает интерес и радость.

В этой замечательно цельной рождественской притче органично сошлись и житейская мудрость, и поэзия, и юмор. Несложная, но полная философии и сюрпризов, история о приключениях детей дровосека пронизана верой в человека, его силу, глубину истинных чувств и торжество «души света». Это пьеса-инициация, посвященная противоречиям пути, стремлению к основополагающим истинам, которые формируют и «растят» гармоничную личность.

Александр Блок писал, что «только сказка умеет с легкостью стирать черту между обычным и необычным, и в этом вся соль пьесы...». И художественное решение, предложенное создателями спектакля, как нельзя лучше отражает эту идею, соответствуя авторскому замыслу. Сказочное пространство, созданное художником **Гарри Гуммелем**, на глазах зрителя словно «прорастает» сквозь привычные очертания, разрушая границы и вновь доказывая, что настоящая сказка, как и настоящее счастье, может быть обретена в том повседневном, что нас окружает. Многофункциональные конструкции с обилием действующих окон и дверей, предполагающих диалог, подчеркивают удивительную взаимосвязь всех элементов, близость и доступность тайн, пронизывающих мироздание, – в этом тонко переплетенном светлом мире едины все времена и состояния.

«Надо быть смелым, чтобы видеть скрытое» – и точно выстроенные мизансцены преображают «видение» до «ведения», преодолевая безысходность. Эти метаморфозы и преображения при переселении в мир мечты способны добавить нечто интуитивное к сознанию жизни и «зажечь потухшие глаза», подобно волшебному хрусталику.

Намеренная визуализация, апелляция к зрительному восприятию особенно фактурно и ярко выражена в авторском индивидуальном подходе к костюму персонажей (также запоминающихся и разработанной интонацией произносимых реплик, и языком жестов): изысканность и чувственность Кошки, кокетливость франта Сахара, лирическая изящность Воды, азарт и легкая агрессивность Огня – здесь потрясающе работает философия и символ цвета. Особенно хочется отметить совершенно очаровательные и надолго запоминающиеся сочные «тучные блаженства» сугубо материального порядка:



3. Митиль – И.Протасова, Тильтиль – Ю.Ридель, Огонь – А.Федоров. 2. Митиль – И.Протасова, Бабушка – С.Лаврентьева, Тильтиль – Ю.Ридель. 1. Сцена из спектакля

их раздувшиеся части тела, затрудняющие движения, спущенные рукава и непослушные конечности наглядно демонстрируют уродливую недальновидность и искусственность – все страхи и искушения, внушаемые столь неприглядными образами, преодолимы. Возможно, это слишком явное акцентирование мировоззрения, действительно, и наполнено «метерлинковскими банальностями», но, если вдуматься в эту поэзию, сочетающую своеобразность формы с оригинальностью и глубиной внутреннего содержания, то они не кажутся в спектакле стереотипными и неубедительными. Это всё ступени единой гаммы, вариативно раскрывающей смысл человеческой жизни даже там, где потеря этого смысла так близка.

Повседневность, увиденная в новом ярком свете, – вот положительный итог пути, который только начинается у вернувшихся из опасного путешествия Тильтиля и Митиль. «Синяя птица», по словам Станиславского, «простая, легкая и радостная, как сон десятилетнего ребенка, но в то же время грандиозная», проникнута глубоким гуманистическим смыслом и соками вековой фольклорной культуры. Это итог, прославляющий детскую влюбленность в жизнь и непосредственный азарт активного, действенного счастья. Финал спектакля удивительно светел и торжествен, наполнен истинной праздничностью бытия и сокровен-

ной убежденностью в возможности и необходимости личного счастья, доступного каждому. И оттенки этого счастья неисчерпаемы.

Анна Афанасьева

Движение идей

Совсем забыл, что любимый театр открылся именно «Синей птицей» – всегда казалось, что «Аленьким цветочком» – такая вот аберрация, тем более, что никаких попыток вернуться к Метерлинку в обозримом прошлом у Саратовского ТЮЗа вроде и не было.

Спектакль, поставленный **Александром Пономаревым** и **Гарри Гуммелем** под Рождество 2008 года, – настоящий проект, то есть событие, с одной стороны, естественное, а с другой – осторожное, поисковое.

Театр, развивавшийся в течение многих десятилетий как сугубо психологический, на крепкой социально-бытовой основе, развернулся в сторону сюжета глубоко философского, даже мистического, пытаясь при этом ничего не терять и в зрелищности, без которой нынче никуда... Удивительно мощный образ мечты, тревожной и манящей, возникает уже в прологе: стая птиц, похожая на серебристое облако, стремительно летит совсем рядом, но остается недостижимой.

Движение идей в спектакле кажется всего занятнее, поскольку помогает бесконфликтно сосуществовать в пределах «детской одиссеи» великого мистика актерам разных поколений и разного опыта.

Подобно всем персонажам этой истории, защищающим свою духовную суверенность, каждое из актерских поколений театра на собственном «ярусе бытия» вдохновенно утверждает свое понимание творчества.

У Метерлинка дети, движимые чувством долга, превозмогая естественный страх, идут по сюжету все дальше и дальше, дабы постичь базовые истины жизни, божественную ее простоту и по-новому ценить тепло домашнего очага, свет материнской любви, обнаружить в себе способность к естественному бескорыстию.

В таком же положении молодые артисты **Юлий Ридель** и **Марина Климова** или **Ирина Протасова**, вовсе не старающиеся по-тюзовски изображать детство Тильтиля и Митиль. Их «подростковое» сознание вполне драматично. Они живут в сюжете сосредоточенно, без умилительного инфантилизма. Больше того, режиссер развивает идею о том, что все события не что иное, как некий провидческий сон юных героев, который они, как это случается в сказках, видят сообща и в обстоятельствах которого действуют, подчиняясь зрелой логике. Поэтому дети в зале им верят.

Как верят они кошке Тилетте. В эксцентричном изображении молодой **Светланы Никулиной** эта коварная «египтянка» отражает многие внутренние противоречия девчоночьего характера, в частности, природный авантюризм и интуицию.

Пес Тило (**Алексей Карабанов** или **Алексей Кривега**), напротив, существо до конца последовательное, способное собственной искренней преданностью искренне наслаждаться, что вовсе не делает его характер благодушным, а жизнь сладкой.

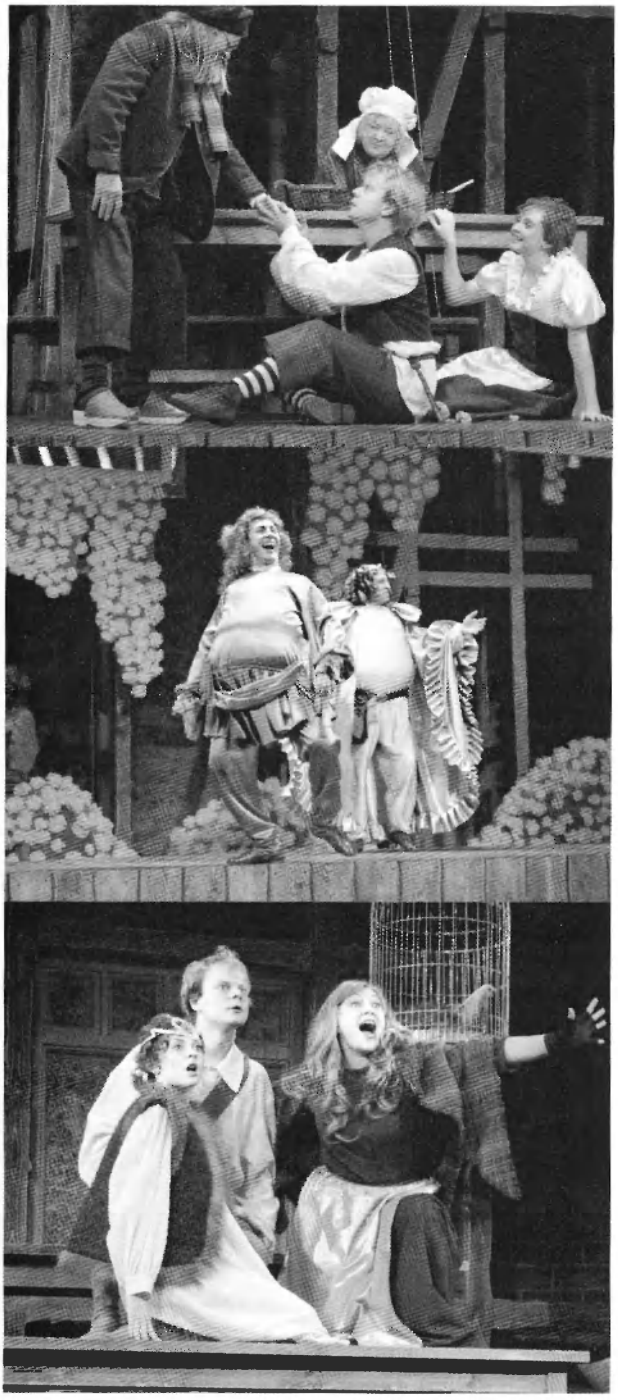
Провокаторшей почище Тилетты выглядит здесь и похожая на брейгелевских старух хитрющая фея Берилюна – **Елена Вовненко**. Во всяком случае, она способна внушить Тильтилю, что тот обладает магическим кристаллом, открывающим души бытийных сущностей. А позже, перед финалом, в облике соседки Берленго, посмеивается любым намекам на свое соучастие в этой одиссее... Характер остроумно решается средствами карикатурной графики, острым пером, в интонациях саркастичных и резких.

Благодушной ленью пронизан характер Хлеба, чья сущность тоже по-своему провокативна. **Дмитрий Скачков** с замечательно тонкой иронией раскрывает реальную опасность того, что взрослые люди называют вялотекущим конформизмом. Детям полезно знать и об этом...

Ужасы и тайны в Дворце Ночи по сути лишь поименованы – что видит Тильтиль за перламутровыми дверями, зрители могут гадать сами, а целая стая синих птиц – лишь группа юных артистов, танцующих некий свободный танец. Это красиво и тоже помогает развивать фантазию...

Совсем иной театр – психологически пластичный и лиричный – являют Бабушка и

Сцены из спектакля



Дедушка. **Светлана Лаврентьева** и **Юрий Ошеров** дают новую, сказочную версию «старосветских помещиков». Сидя, словно в зыбкой лодке, на скамейке в мареве тумана, они воплощают беззащитную нежность, которую начинаешь ценить только после того, как дорогие тебе люди покидают этот мир. Подобное «перемещение», говорит вослед мистику-драматургу театр, нельзя называть смертью. Это неведомое до поры инобытие, непостижимое, но глубоко волнующее нашу внутреннюю память, представление о котором дано нам еще до рождения. Философская глубина этого эпизода воистину неизбывна. Ушедшие близкие живы, пока мы помним о них – этот нравственный абсолют помогает нам быть людьми.

Спектакль последовательно внушает благородную мысль о необходимости относиться к жизни на всех ее уровнях с одинаковой бережностью, сознавая ее торжественность и бесконечность...

Александр Иняхин

Синий платочек или серая птица

В детстве я смотрела детские спектакли часто. Потом был перерыв на юность, потом пошли собственные дети и опять детские спектакли. Мне не близок ханжеский постулат о том, что «для детей надо играть так же, как для взрослых, только лучше». Играть вообще надо бы хорошо. Иногда получается,

иногда не очень. Хороший детский спектакль такая же большая редкость. Детская память сохранила «Белоснежку» в «Современнике» (Олег Даль – Принц, прикованный цепями, подсвеченный алым – как забыть!) и, натурально, «Синюю птицу» во МХАТе. Впечатлениями о том спектакле уже столетие делятся самые разные люди. Было, чем делиться. Дети подросли, редко хожу на детские спектакли, но, приходя, стала задумываться, почему же не ставят так же часто, как «Очень простую историю» Марии Ладо, «Синюю птицу»? Когда нет хорошей современной пьесы – вечной грезы режиссеров всех времен, можно укрыться в проверенную классику. А мне все больше попадались какие-нибудь «Лягушки.ru» или адаптированные под авторство западные комиксы вроде «Семейки Адамсов». Есть, безусловно, и удачные примеры, такие как спектакль Северского театра «Все мальчишки дураки» Ксении Драгунской в постановке Натальи Корляковой. Но очень мало «сказочных» сказок. И вот первый в мире детский профессиональный театр – Саратовский ТЮЗ Киселева ставит **«Синюю птицу»**, которой открылся в 1918 году. Это называется **«творческая акция, рассчитанная на детей и родителей, поддержанная грантом губернатора Саратовской области «Возвращение Синей птицы»**. Очень люблю этот театр. По-настоящему уважаю его директора **Валерия Райкова** – умного, опытного, энергичного, обаятельного и волевого. В подготовке и дальнейшей жизни спектакля блестяще проявила себя новый завлит **Ирина Озерная**. Вот вам образец и пример человека этой не очень понятной профессии. Постановка и перевод очень интересного режиссера **Александра Пономарева**, сценография **Гарри Гуммеля**, приглашенного из Германии, музыка **Стефана Андрусенко**, костюмы **Татьяны Кондрычиной**. Подготовлено два полноценных состава исполнителей. Задумано было хорошо. Искренне жаль себя, не сумевшую, как видно, всего задуманного понять и адекватно оценить. К счастью, существуют другие мнения – позитивные и даже восторженные. Это дает мне моральное право высказаться. Начну с положительного аспекта.

Спектакль открыл, что во мне, вполне взрослой тетеньке, оказывается, все еще живет маленькая девочка. Девочке очень хотелось сказки. Девочка очень по-детски обиделась. Сказки не случилось. Хорош был нераскрытый занавес со световыми птицами. Раскрылся. Проснулись дети, пришла соседка Берленго (в новом переводе ударение ставится не на «о», а на второе «е»), попросила сходить поискать синюю птицу. Зачем? Внучка вроде больна, но как-то не всерьез, больна желанием быть счастливой. Не очень понятно, к чему далекое опасное путешествие, если никого не надо спасать. По очереди появляются преображенные души: крайне неаппетитный Хлеб со шрамом на лице, франтоватый не по делу Сахар с пальцами-леденцами в виде пластиковых наконечников, напоминающих то ли одноразовые шприцы, то ли футлярчики доя пипеток, страшно подумать о том, что это можно съесть. Наверное, стоит сделать эти «леденцы» разноцветными. Огонь с Водой вместо прописанного и вполне закономерного противостояния вполне эротично льнут друг к другу, Кошка манерами, костюмом, чулками в сеточку больше всего напомнила персонаж из фильма «Бриллиантовая рука» – ту роскошную даму, от которой Миронов спасает Никулина («Цигель-цигель, ай-лю-лю!»). Возможно потому, что я так люблю собак, очень симпатичен и достоверен на протяжении всего действия был Пес в исполнении (в том составе, который видела я) **Алексея Карабанова**. И артист хороший, и персонаж не претерпевший режиссерских новаций. Далее Соседка, наскоро обратившись в Фею, сначала дарит Тильтилю волшебный алмаз, но потом потихоньку прячет. Дескать, сам справится. Все представились, потанцевали немного, взяли как будто клетку, совершенно плоскую, и пошли за птицей для как будто больной девочки. И вот оно в полной красе оформление: большая деревянная рама с секциями окон и дверей, есть ощущение ненадежности соединений: шатается,

Старик Время – Ю.Ошеров

Тильтиль – Ю.Ридель, Соседка Берленго – Е.Вовченко, Митиль – М.Климова

вихляется, плохо открывается и закрывается. И еще очень обширный невысокий помост вроде качелей. (Помост и помост, качелями он поработает в бесконечной и нудной сцене сражения с Деревьями.) Все настолько «как будто», как должно было бы быть в преддверии чего-то по-настоящему важного. Должно бы. Вот «туман, за которым ничего не видно». Чуть подымили. Как будто. Но за гипотетическим туманом шла любимейшая моя сцена, сделанная, к счастью, очень бережно и великолепно сыгранная корифеями театра **Светланой Лаврентьевой** и **Юрием Ошеровым**. Покойные Дедушка и Бабушка такие живые, трогательные, любящие. Что особенно важно – любимые. Отдельный маленький спектакль. Выяснилось, например, что Бабушка не просто Бабушка, но еще и очевидная Свекровь: «Чистенькие вы какие, мать что ли за вами так смотрит?», – забота о внуках и после жизни, вечная материнская ревность. Жаль, что нет печали при расставании, в спектакле, вообще, нет места подобным эмоциям. Вот и первая в походе синяя птица, полученная у Дедушки с Бабушкой. И вовсе синяя тряпочка. Остальные птицы представлены балетом, ленточками и серым чучелком-игрушкой в финале. Высокая философия. Нет синей птицы. Счастье рядом. Впрочем, синица в руках – чем плохо? Конечно, я упрощаю. Сознательно. Я – обиженная малолетка.

Мы пришли в Царство Ночи. Что-то сказано о «страшной тайне». Сказано и забыто. Вообще подача текстовой информации сильно напоминала современные анонсы телепередач. Да и новый текст, честно говоря, утомлял и угнетал. Вот несколько примеров: «ослиная кожа» (вместо шкуры), «недавно давняя моя подруга», «глаза, как лазоревые гроты», «раскрой глаза до самой глубины своей души», «нужды нет» (с ударением на «у»). Случаются переходы с нормальной речи то на гекзаметр, то на язык Пленума ЦК КПСС. Чем был плох канонический перевод? Как в анекдоте: «Всю Дерибасовскую удовлетворяет, а его не удовлетворяет». Вот и дальше. Не будет инфернальной коварной Ночи. Вполне комическая полнотелая дама, наряженная этаким пажом в штанишки до колен, туфли с пряжками, шляпу с перьями. Вообще, все костюмы вызывают ощущение пребывания за кулисами мюзик-холла – много, ярко, обезличенно. Впрочем, девушкам с хорошими ногами, желающим привлечь к себе внимание, стоит взять на вооружение чулки разного оттенка, какие были на Кошке. Розовые туфли Митиль вовсе не имеют права на существование.

Пестрят костюмы, висит конструкция, болтаются плохо закрепленные двери, за которыми спрятаны Призраки, Войны, Болезни, Ужасы. Поглядеть удалось только на резвых Призраков в спортивно-балетных трико. Про остальных пришлось поверить на слово актерам, заглядывающим в как будто двери: «Ух, как страшно!». Верилось с трудом. Сильный упор сделан на сцену с Блаженствами, где философия очень быстро превращается в примитивное назидание. И как не запутаться ребенку в том, чем отличается Блаженство очага от души Огня? Блаженство леса от Деревьев? Многословная, путаная характеристика этих самых Блаженств превращает, наконец, само слово в полную бессмыслицу, вроде «бланманже».

В конце антракта в фойе пришли пообщаться со зрителем Лазоревые дети. Это, наверное, было задумано неплохо, только требует чисто технической доработки, чтобы большему количеству зрителей было видно и слышно.

Вернувшись из условного путешествия домой, персонажи бесконечно прощались на пороге, хотя все время оставалась «всего минутка». В долгом прощании совсем проехали мимо прелестной темы о том, что души Молока, Воды, Огня и всех остальных всегда рядом с нами. Эта философия недостаточно высока и излишне сентиментальна, вероятно. Важнее был поцелуй взасос Пса и Кошки.

К финалу не осталось ни вопросов, ни надежд. Вот разве только не стоило бы Матери протирать стол тряпкой из поломойного ведра. И что это был вначале за неопознанный мальчик в домотканой одежде? Не иначе душа Метерлинка.

Как же я завидую уважаемому коллеге замечательному критику Александру Иняхину! Обладая безбрежной эрудицией, огромным театроведческим опытом и добрым нравом, он бывает счастлив почти на любом спектакле. А при обсуждении или рецензировании всегда отыщет столько позитивных ассоциаций с прекрасным, что будет и толково, и честно, и никогда никому не обидно. А еще талант. Этому не научишься. В подражание я могла бы поскрести по сусекам эрудиции собственной, призвать аллюзии, разобрать местами совсем неплохую актерскую игру и не рисковала бы потерять, таким образом, расположения бесконечно уважаемых мной деятелей Саратовского ТЮЗа. Но, лишенная ожидаемой встречи со сказкой, отказалась меня слушаться девочка, как раз в детстве славившаяся прямо-таки ослиным упрямством. «Простим угрюмство. Разве это – сокрытый двигатель его. Он весь – дитя добра и света. Он весь – свободы торжество!». Простите угрюмство. Остальное привела для законченности и вообще красного словца. В зале было полно вполне счастливых детей. Эта современная как будто птица – для них. Они – другие. Они дети или даже внуки «охотников за удачей – птицей цвета ультрамарин» А моя, как видно, улетела. Спасибо, друзья! Мы ведь останемся друзьями? Постараюсь больше не впадать в детство.

Анастасия Ефремова